

УПРОЩЕНИЕ ТОРГОВЫХ ПРОЦЕДУР МЕЖДУ ЕАЭС И КИТАЕМ В РАМКАХ СОГЛАШЕНИЯ О ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ*

Тимур АЛИЕВ

Старший научный сотрудник Российского центра исследований АТЭС при РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: aliev@apesc.ranepa.ru

Татьяна ФЛЕГОНТОВА

Директор Российского центра исследований АТЭС при РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: tflegontova@apesc.ranepa.ru

Подписанное в мае 2018 г. соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР носит непреференциальный характер¹. Создание полноценной зоны свободной торговли между ними пока маловероятно из-за неготовности ряда членов ЕАЭС либерализовать свои рынки для китайских товаров и инвестиций. Тем не менее заключенное соглашение может способствовать повышению эффективности взаимного сотрудничества между ЕАЭС и КНР, например, в области упрощения процедур торговли и в транспарентности.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Китайская Народная Республика, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, внешнеторговые отношения между ЕАЭС и КНР.

Одним из ключевых направлений развития внешнеторгового экономического сотрудничества Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом наибольшим потенциалом обладает сотрудничество с Китайской Народной Республикой².

Китай является крупнейшим внешнеторговым партнером стран-членов ЕАЭС (если не рассматривать Евросоюз в качестве единого внешнеторгового контрагента)³. Лишь для Белоруссии КНР находится на втором месте по значимости после Украины. На долю Китая приходится 16,2% товарооборота ЕАЭС. (См. рисунок.)

В последние годы для товарного экспорта ЕАЭС в Китай были характерны негативные тренды: за 2014–2016 гг. его объем уменьшился с 48,1 до 32,9 млрд. долл. Тем не менее в 2017 г.

экспорт товаров из государств-членов ЕАЭС в КНР достиг 45,3 млрд. долл., увеличившись на 37,7% по сравнению с предшествующим годом. Восстановление товарного импорта ЕАЭС из КНР началось на год раньше. После существенного спада – на 29,5% в 2015 г. – объемы поставок китайских товаров в страны ЕАЭС выросли на 4,4% в 2016 г. и на 25,6% в 2017 г., а в абсолютном выражении их прирост за два года составил 13,6 млрд. долл.⁴. При этом торговля ЕАЭС с Китаем осуществлялась с устойчивым отрицательным сальдо.

В товарной структуре экспорта ЕАЭС в Китай преобладает сырье, прежде всего топливно-энергетические товары, а импорт ЕАЭС из КНР представлен преимущественно электро-техническим оборудованием. (См. таблицу.)

Масштабы взаимной торговли услугами государств ЕАЭС с КНР гораздо меньше – наи-

* – Статья из Мониторинга экономической ситуации в России «Тенденции и вызовы социально-экономического развития» № 11 (72) (июнь 2018 г.), размещенного на сайте Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара (название статьи в МЭС – «ЕАЭС и Китай: соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве упрощает торговые процедуры»).

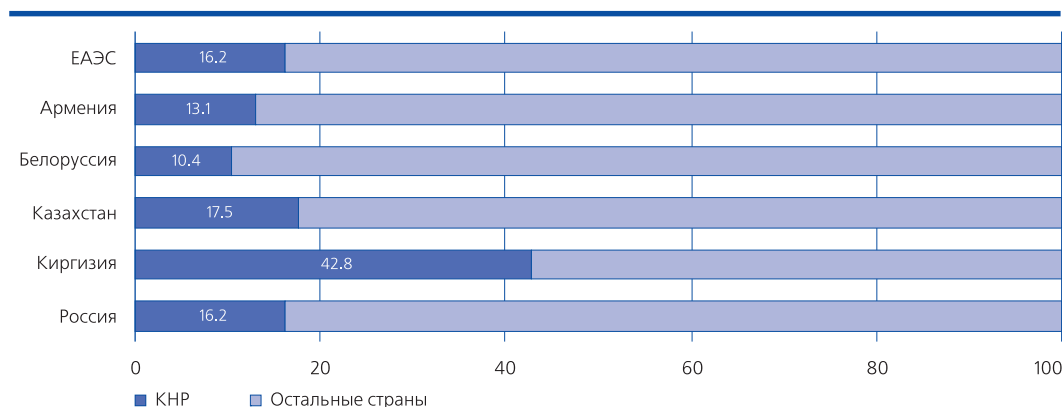
¹ Непреференциальный характер соглашения не предусматривает формирования преференциального режима доступа на рынок товаров, т.е. снижения и/или обнуления ввозных таможенных пошлин в торговле между странами, подписавшими соглашение.

² См.: Алиев Т.М., Аронов И.З., Баева М.А. и др. Рынок Китая: вопросы доступа. Аналитический отчет. – М., 2017.

³ Во внешней торговле с третьими странами.

⁴ Расчеты РЦИ АТЭС при РАНХиГС по данным ЕЭК.

Доля КНР во внешней торговле государств-членов ЕАЭС с третьими странами в 2017 г., в % к итогу

Источник: данные Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), расчеты Российского центра исследований (РЦИ) АТЭС при РАНХиГС.

Важнейшие товарные позиции внешней торговли ЕАЭС с КНР в 2017 г.

Товарный экспорт ЕАЭС в КНР			Товарный импорт ЕАЭС из КНР		
Код ТН ВЭД	Наименование товарной группы	Доля, в % к итогу	Код ТН ВЭД	Наименование товарной группы	Доля, в % к итогу
2709	Нефть сырая, включая газовый конденсат	47,3	8517	Аппаратура связи и части к ней	10,8
2710	Нефтепродукты	5,8	8471	Вычислительные машины для автоматической обработки информации	6,2
4407	Лесоматериалы продольно-распиленные	4,5	8419	Оборудование для термической обработки материалов	6,0
2701	Уголь каменный	3,8	8708	Части и принадлежности для автомобилей и тракторов	2,2
7403	Медь рафинированная и сплавы медные	3,5	9503	Игрушки и головоломки	1,7
8411	Двигатели турбореактивные и турбовинтовые, газовые турбины прочие	2,7	6402	Прочая обувь на подошве и с верхом из резины или пластмассы	1,7
4403	Лесоматериалы необработанные	2,6	8529	Части к принимающей и передающей аппаратуре	1,6
2603	Руды и концентраты медные	2,3	8516	Бытовые и прочие электроннагревательные приборы, электроплиты	1,3
0303	Рыба мороженая	2,0	8473	Части и принадлежности машин для обработки информации	1,2
7202	Ферросплавы	2,0	8528	Телевизоры, мониторы и проекторы	1,1

Источник: данные ЕЭК, расчеты РЦИ АТЭС при РАНХиГС.

большую долю здесь занимает Россия. В абсолютных значениях экспорт услуг из России в КНР увеличился с 1530 до 2390 млн. долл. за 2012–2017 гг., а импорт услуг находился в этот период на уровне 2,0–2,4 млрд. долл. (исключение – 2015 г., когда он составил 1,8 млрд. долл.)⁵.

При общей тенденции к росту открытости китайской экономики КНР активно проводит в жизнь меры регулятивного характера, которые могут носить ограничительный характер. Это касается как прямых ограничений доступа товаров, услуг и ПИИ на внутренний рынок, так и косвенных торговых барьеров⁶. Последние включают чрезмерные требования по лицензированию, сертификации, регистрации отдельных видов товаров. Подобные меры выполняют не только регуляторную функцию, но зачастую выступают в качестве скрытых мер протекционизма. Это проявляется в требованиях к стандартам, сложности доступа к ключевым нормативно-правовым актам на английском языке, в существенных барьерах, связанных с несовершенствами механизмов и процедур, например, в сфере госзаказа, таможенных процедур или защиты прав интеллектуальной собственности⁷.

В последние годы активизировалась работа по институционализации экономического сотрудничества между Россией, ЕАЭС и КНР. Переговоры с КНР велись по двум направлениям⁸: непреференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР и преференциальное соглашение по услугам и инвестициям между Россией и КНР. Одновременное ведение переговоров по двум направлениям было обоснова-

но разделением полномочий в области регулирования торговли и инвестиций государств-членов ЕАЭС на национальном и наднациональном уровнях.

Участие России в Евразийском экономическом союзе и образование единой таможенной территории предполагают, что часть вопросов регулирования торговли вынесена на наднациональный уровень. Вопросы доступа на рынок товаров входят в компетенцию Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Таким образом, формирование классической зоны свободной торговли (ЗСТ), предполагающей снижение тарифных ограничений, а также включение в соглашение ряда других вопросов возможны только на уровне ЕАЭС. Данный подход уже был применен на практике при формировании ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом, функционирующей с октября 2016 г.

Однако в отличие от Вьетнама и ряда других стран, с которыми ЕЭК сейчас ведет переговоры о формировании ЗСТ (Сингапур, Египет, Индия, Израиль, Сербия, Иран), снижение ограничений в торговле с Китаем чревато значительными негативными последствиями для ряда отраслей государств ЕАЭС. Оценки общих последствий формирования ЗСТ между ЕАЭС и КНР говорят о возможном выигрыше при этом крупных экономик (России, Казахстана, Китая), а экономики Белоруссии, Киргизии и Армении могут проиграть от либерализации торговли с Китаем⁹. В отраслевом плане наибольшие риски существуют для транспортного машиностроения, текстильной промышленности и производства одежды Казахстана, машиностроения Белоруссии.

⁵ Данные Банка России.

⁶ О влиянии либерализации торговли услугами на производительность в промышленности см.: Кнобель А.Ю. Влияние либерализации сектора услуг на торговлю услугами и производительность в промышленности России других стран СНГ // Прикладная эконометрика. 2016. № 4 (44). С. 75–99.

⁷ Пыжиков Н.С. Особенности регулирования прав интеллектуальной собственности в КНР // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 105–118.

⁸ См. Мониторинг актуальных событий в области международной торговли ВАБТ № 12 (май 2018). URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/bab4c2d911f497e24325829d004fb1e4/\\$file/Monitoring_12.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/bab4c2d911f497e24325829d004fb1e4/$file/Monitoring_12.pdf)

⁹ О влиянии интеграционных процессов в АТР на российскую экономику см.: Кнобель А.Ю., Седалищев В.В. Риски и выгоды для ЕАЭС от различных сценариев интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 72–85.

По этой причине государства—члены ЕАЭС не готовы начать переговоры по формированию ЗСТ. Было принято решение начать переговоры по непререференциальному соглашению между ЕАЭС и КНР. Переговоры по соглашению продолжались менее двух лет и завершились 1 октября 2017 г. Соглашение было подписано в мае 2018 г. Несмотря на отсутствие в его тексте пунктов о снижении тарифных ограничений, документ включает широкий спектр вопросов, взаимные договоренности и скоординированное регулирование которых будут способствовать повышению эффективности и упрощению взаимного сотрудничества между ЕАЭС и КНР. В частности, соглашение предусматривает:

- упрощение процедур торговли (например, обеспечение возможностей для электронного декларирования, выпуск товаров в максимально короткий срок);
- повышение прозрачности и работу по взаимному признанию стандартов, технических регламентов и процедур оценки соответствия;
- защиту прав интеллектуальной собственности (в том числе в цифровой среде);
- регулирование электронной коммерции (в том числе стимулирование использования и взаимного признания методов электронной аутентификации, использование электронных документов, защиту прав потребителей и персональных данных, повышение прозрачности)¹⁰;
- сотрудничество в области госзакупок (в том числе обеспечение доступа к информации в сфере закупок).

Важное достижение соглашения — распространение базовых принципов недискриминации ВТО на Белоруссию, которая на текущий момент к ВТО не присоединилась.

Что касается двустороннего соглашения между Россией и Китаем, переговоры по которому еще продолжаются, то оно имеет преференциальный характер и должно включать положения по либерализации доступа на рынки услуг и инвестиционному сотрудничеству (во время недавнего визита президента В. Путина в Китай было одобрено технико-экономическое обоснование будущего рамочного торгового договора). Охват соглашения обоснован тем, что, в отличие от товарной составляющей, правила единого рынка услуг ЕАЭС распространяются только на ряд секторов, утвержденных каждой страной-членом. В целом регулирование доступа на рынок услуг происходит на национальном уровне.

Перспективы заключения полноценного преференциального торгового соглашения между ЕАЭС и КНР по товарам и услугам определяются не только готовностью государств ЕАЭС открыть рынки для китайских компаний, но и тем, сможет ли ЕАЭС предложить Китаю какие-либо преференции, предоставить более широкий доступ для китайских инвесторов на внутренние рынки. Скорее всего, на более глубокие договоренности в области экономического сотрудничества Китай будет готов пойти только в случае включения в соглашение обязательств о взаимной либерализации торговли. ■

¹⁰ Флегонтова Т.А. Регулирование электронной коммерции в КНР: риски и возможности для международного сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. № 4. С. 150–168.